УДК 343

Ихтияров У.

студент

Высшая школа юриспруденции и судебно-технической экспертизы

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

(г. Санкт-Петербург, Россия)

ЗАПРОС О ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ: ПРОБЛЕМА ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ПОЛУЧЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ ИНОСТРАННОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация: *представленная статья направлена на всестороннее рассмотрение проблем, связанных с допустимостью доказательств, полученных от компетентных органов иностранных государств, в контексте международной правовой помощи по уголовным делам. Актуальность данной темы обусловлена стремительной транснационализацией преступности, что делает запросы о правовой помощи незаменимым инструментом для сбора доказательств за пределами российской юрисдикции. Тем не менее, их последующая оценка в рамках национального уголовного судопроизводства сопряжена со значительными правовыми коллизиями. Методологической основой исследования послужили диалектический метод научного познания, общенаучные методы анализа и синтеза, а также специализированные юридические подходы. Среди последних выделяются формально-юридический метод, используемый для толкования положений статей 453, 455 и 457 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, и сравнительно-правовой метод, позволивший сопоставить различные доктринальные и практические подходы к определению юридической силы доказательств, полученных из зарубежных юрисдикций. Эмпирической основой исследования послужили материалы правоприменительной практики и статистические данные, демонстрирующие динамику обращений за правовой помощью. В ходе исследования были выявлены ключевые проблемы, препятствующие эффективному использованию иностранных доказательств в российском уголовном судопроизводстве. Среди них — неоднозначность правовой природы презумпции допустимости, закрепленной в статье 455 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, трудности применения принципа взаимности и коллизии между требованиями национальных законодательств различных государств.*

Исходя из полученных результатов, можно сделать вывод, что существующий правовой механизм легализации иностранных доказательств, разработанный в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации без должного учета современных реалий и дифференциации процессуальных форм, во многом носит декларативный характер и нуждается в существенной корректировке. Практическая значимость исследования заключается в разработке конкретных предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и оптимизации деятельности правоохранительных органов в сфере международного сотрудничества. Эти предложения направлены на обеспечение подлинной приемлемости и надежности доказательств, полученных из иностранных юрисдикций.

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство, международная правовая помощь, иностранные доказательства, допустимость доказательств, презумпция допустимости, принцип взаимности, запрос о помощи, международный договор, правовая коллизия, УПК РФ.*

ВВЕДЕНИЕ.

Развитие глобализационных и интеграционных процессов, наряду с рядом преимуществ в экономической и социальной сферах, сопровождается также неуклонным ростом транснациональной преступности. Преступные деяния, которые охватывают юрисдикцию нескольких государств или характеризуются наличием иностранного элемента, требуют разработки правоохранительными органами принципиально новых, скоординированных подходов к формированию доказательственной базы. В этом контексте запрос о правовой помощи не только выступает в качестве одного из инструментов международного сотрудничества, но и часто оказывается единственным доступным процессуальным механизмом. Это обеспечивает доступ к информации, лицам или материальным объектам, которые имеют решающее значение для расследования и находятся за пределами национальной юрисдикции.

О масштабах применения этого института свидетельствуют статистические данные Генеральной прокуратуры Российской Федерации, согласно которым в 2024 году компетентные органы России направили в зарубежные страны более 5000 запросов об оказании правовой помощи по уголовным делам, что на 12% больше по сравнению с предыдущим отчетным периодом [1]. Эти статистические данные убедительно свидетельствуют о возрастающей роли международного сотрудничества в контексте уголовного судопроизводства.

В то же время складывается ситуация, при которой динамика правоприменительной практики значительно опережает темпы совершенствования законодательства. Действующая редакция статьи 455 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующая юридическую силу доказательств, полученных на территории иностранного государства, по существу, сводится к декларативной норме, согласно которой подобные доказательства, при условии их надлежащего заверения и передачи в установленном порядке, обладают той же юридической силой, что и доказательства, полученные на территории Российской Федерации [2]. Столь лаконичное изложение, по обоснованному мнению ряда исследователей, не дает исчерпывающих ответов на ряд фундаментальных вопросов, связанных с процедурой легализации материалов, полученных из-за рубежа, а также с критериями оценки их допустимости [3]. Эта правовая неопределенность усугубляется отсутствием в российском уголовно-процессуальном законодательстве, в отличие от некоторых зарубежных правовых систем, специальных правил или четких алгоритмов, которые могли бы обеспечить сотруднику правоохранительных органов достаточную уверенность в разрешении коллизий, возникающих между положениями Уголовно-процессуального кодекса и процессуальным законодательством иностранного государства.

Следовательно, вопрос о допустимости доказательств, полученных в рамках исполнения просьб о правовой помощи, приобретает не только ярко выраженное теоретическое, но и существенное практическое значение. От правильного решения этой проблемы напрямую зависит эффективность борьбы с трансграничной преступностью, обеспечение прав участников уголовного судопроизводства и, как следствие, вынесение справедливого и обоснованного приговора. Целью данной работы является всесторонний анализ доктринальных подходов, нормативно-правовой базы и правоприменительной практики с целью выявления ключевых проблем в рассматриваемой сфере и формулирования предложений по их разрешению.

Материалы и методы.

Методологическую основу данного исследования составила совокупность общенаучных и частно-научных методов познания, что обусловлено его комплексным характером. Использование диалектического метода позволило проанализировать институт допустимости иностранных доказательств в динамике его развития и в контексте неразрывной связи с общими принципами уголовного судопроизводства. Методы анализа и синтеза применялись для декомпозиции исследуемой проблематики на составные элементы, включая основания для направления запроса, требования к его форме и содержанию, а также порядок исполнения и оценку полученных материалов, с последующим их обобщением для формирования системного представления.

Нормативную базу исследования сформировали положения Конституции Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, а также статьи 453, 455 и 457 Уголовно-процессуального кодекса РФ, регламентирующие порядок международного сотрудничества.

Теоретической основой послужили научные труды отечественных ученых-процессуалистов, посвященные вопросам допустимости доказательств и специфике международной правовой помощи.

Эмпирический материал представлен статистическими данными, опубликованными на официальных ресурсах компетентных органов, а также результатами анализа наиболее типичных проблем, возникающих в правоприменительной практике. Это дало возможность выявить не только доктринальные, но и выраженные практические аспекты рассматриваемой проблематики. Применение формально-юридического метода обеспечило анализ и интерпретацию содержания конкретных правовых норм, регулирующих институт запроса о правовой помощи, а также позволило выявить имеющиеся в них логические и терминологические пробелы. Сравнительно-правовой метод использовался для сопоставления российского подхода к оценке юридической силы иностранных доказательств с отдельными аспектами зарубежного опыта, что, в свою очередь, способствовало формулированию более обоснованных предложений по совершенствованию отечественного законодательства.

Результаты.

Исследование нормативно-правовой базы, равно как и доктринальных источников, указывает на то, что ключевую роль в правовом регулировании исследуемого вопроса играет статья 455 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Указанная норма устанавливает, что доказательства, полученные на территории иностранного государства его должностными лицами в процессе выполнения поручений об оказании правовой помощи, после надлежащего заверения и передачи в установленном порядке, обладают той же юридической силой, как если бы они были собраны на территории Российской Федерации в полном соответствии с требованиями УПК РФ [2]. В академической литературе подобная концепция получила название презумпции допустимости иностранных доказательств [4]. Это интерпретируется как положение, согласно которому доказательства, формально соответствующие требованиям их получения и передачи, априори рассматриваются как допустимые.

Данный подход является фундаментально значимым, поскольку освобождает российские правоприменительные органы от необходимости каждый раз верифицировать соответствие процедуры их получения зарубежному законодательству.

Однако более углубленный анализ выявляет ряд существенных проблем, которые существенно усложняют практическое применение этой нормы. Прежде всего, предметом серьезных научных дискуссий является правовая природа и пределы упомянутой презумпции. Некоторые исследователи придерживаются мнения, что его распространение ограничено исключительно формальными требованиями к регистрации и передаче доказательств [5]. Между тем другие авторы, напротив, настаивают на более широком толковании, распространяя его действие также на обеспечение прав участников процесса при проведении следственных действий за пределами национальных границ [6]. Отсутствие консенсуса в понимании этого вопроса создает условия для потенциальных злоупотреблений, которые в конечном итоге могут способствовать включению в российский процесс доказательств, полученных в нарушение основных прав человека, гарантированных, среди прочего, международно-правовыми актами.

Не менее существенной проблемой выступает неопределенность критериев допустимости доказательств в ситуациях, когда правовая помощь оказывается не на основании международного договора, а исходя из принципа взаимности. Статья 453 УПК РФ предусматривает такую возможность для сотрудничества [2]. Суть этого принципа заключается в предоставлении компетентным органом Российской Федерации письменного обязательства оказать аналогичную помощь иностранному государству в будущем. Однако, на практике реализация данного принципа нередко сопряжена со значительными сложностями. В частности, как показывает правоприменительный опыт, это может быть обусловлено продолжительными сроками исполнения запросов, непредсказуемостью исхода, а главное отсутствием ясных гарантий того, что процедура получения доказательств в иностранном государстве будет соответствовать российским стандартам допустимости [7].

Это ставит перед следователем и судебными органами довольно сложную дилемму, с одной стороны, они обязаны задействовать все доступные средства для сбора доказательств, с другой им необходимо быть уверенными в их надлежащем качестве.

Помимо этого, выявляется фундаментальная проблема коллизии процессуальных норм. При исполнении запроса компетентные органы иностранного государства руководствуются собственным национальным законодательством, которое потенциально может кардинально отличаться от российского. Например, процедуры допроса свидетелей, признания документов или производства обыска в зарубежной стране могут не предусматривать тех гарантий, которые обязательны согласно УПК РФ. В связи с этим возникает существенный вопрос: следует ли российским судам и следственным органам верифицировать соответствие процедуры получения доказательства иностранному законодательству, или же достаточно оценивать его исключительно сквозь призму российских процессуальных норм? В академической литературе по этому поводу аргументированно выражается позиция, согласно которой для установления допустимости первостепенное значение должны приобретать требования законодательства места получения доказательства, а не запрашивающей стороны [4]. При таком подходе ключевым моментом становится не столько неукоснительное соблюдение формальных предписаний УПК РФ, сколько уважение суверенного права иностранного государства на осуществление своей юрисдикции.

Наконец, сам механизм придания иностранным материалам статуса доказательств вызывает существенные вопросы. Причина в том, что статья 455 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации не содержит специализированных нормативных актов, регламентирующих процедуру их легализации в рамках российского уголовного судопроизводства. В результате следственные и судебные органы вынуждены применять общие правила сбора и проверки доказательств по аналогии.

На практике это обычно выражается в том, что протоколы следственных действий, полученные из-за рубежа, подлежат переводу на русский язык, а предметы и документы, имеющие признаки вещественных доказательств, должны быть исследованы и приобщены к материалам дела отдельным постановлением [5]. Однако такой упрощенный подход не всегда гарантирует адекватную проверку надежности и допустимости сложных видов доказательств, таких как протоколы допросов, полученные в юрисдикциях с иной правовой культурой, или экспертные заключения, полученные с использованием методов, не признанных в Российской Федерации. В этом контексте уместен пример использования информации, поступающей по каналам Интерпола. Такая информация, представленная в виде справок и отчетов, требует особой тщательности со стороны суда при оценке их приемлемости, что часто реализуется посредством процедуры изучения документов или опроса сотрудников Национального центрального бюро [8].

Обсуждение.

Результаты проведенного исследования дают основания утверждать, что вопрос о допустимости доказательств, полученных в рамках запросов о правовой помощи, представляет собой один из наиболее комплексных и дискуссионных аспектов в системе современного международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства. Действующий правовой механизм, центральным элементом которого выступает статья 455 УПК РФ, будучи сформулированным в весьма общем виде, демонстрирует недостаточное соответствие динамично развивающимся потребностям правоприменительной практики и требует существенной доработки. По всей видимости, это обусловлено рядом факторов системного характера.

Во-первых, наблюдается проблема правовой неопределенности, обусловленная излишней лаконичностью законодательных формулировок и отсутствием ясно определенных критериев для оценки иностранных доказательств. Существующая презумпция допустимости, несмотря на ее очевидную практическую целесообразность, не предоставляет однозначного ответа на вопрос, какие именно нарушения иностранного законодательства или международных стандартов могут служить основанием для признания доказательства недопустимым в российском процессе. Это способствует формированию неоднородной судебной практики и может вести к вынесению произвольных решений. С целью преодоления этой неопределенности в научной литературе предлагается законодательно закрепить ряд критериев, на основе которых субъекты доказывания могли бы оценивать подобные доказательства [4]. К таким критериям, в частности, относятся: соблюдение требования о законном субъекте, источнике, а также законных способах получения и закрепления доказательства. Представляется, что имплементация данных критериев на уровне руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ или непосредственно в текст УПК РФ могла бы значительно унифицировать правоприменительную практику.

Во-вторых, по-прежнему актуальной остается задача разрешения коллизионных вопросов, возникающих при расхождении требований национальных правовых систем. В этой сфере могут быть выделены два основных концептуальных подхода. Первый, условно обозначаемый как «территориальный», приоритезирует уважение к суверенитету иностранного государства и предполагает оценку доказательства на предмет его соответствия законодательству места совершения процессуального действия. Второй подход, именуемый «национальным», основывается на приоритете внутренних стандартов доказывания, которые гарантируют права участников процесса.

Представляется, что наиболее оптимальным решением могло бы быть применение комбинированного критерия, согласно которому доказательство признается допустимым, если оно получено в соответствии с законодательством запрашиваемого государства, и при этом не были нарушены фундаментальные, конституционные права человека, а также основные принципы российского уголовного процесса. Данный подход, следует отметить, коррелирует с правовыми позициями, разработанными на уровне международных судебных инстанций.

В-третьих, в условиях интенсивно развивающейся цифровизации всех сфер общественной жизни, особую значимость приобретает вопрос, касающийся так называемых «цифровых доказательств», получаемых из иностранных юрисдикций. Традиционные механизмы правовой помощи, которые изначально были ориентированы на истребование материальных документов и допрос свидетелей, оказываются недостаточно эффективными для оперативного получения и фиксации электронных данных, способных храниться на серверах, расположенных в различных странах. Это обстоятельство диктует необходимость формирования новых международно-правовых инструментов и национальных процессуальных механизмов, способных обеспечить баланс между требованиями расследования и защитой прав граждан в цифровой среде. Несмотря на то, что эта тема, безусловно, заслуживает отдельного глубокого исследования, очевидно, что она органично интегрируется в общий контекст проблемы допустимости иностранных доказательств, обнажая новые аспекты уже существующих противоречий [9].

Необходимо отметить, что определенные шаги по совершенствованию законодательства в данной сфере уже предпринимаются. Так, показательным примером служит Федеральный закон от 27 октября 2025 года № 392-ФЗ, посредством которого были внесены изменения в статьи 458 и 459 УПК РФ, регламентирующие порядок направления материалов уголовного дела для осуществления уголовного преследования за рубежом и исполнения соответствующих иностранных запросов [10].

Несмотря на то, что эти поправки непосредственно не затрагивают статью 455 УПК РФ, они демонстрируют осознание законодателем необходимости адаптации процессуальных норм к текущим реалиям международного сотрудничества. Тем не менее, очевидно, что этих фрагментарных изменений явно недостаточно. Сформировалась насущная потребность в комплексной ревизии всего раздела XVIII УПК РФ с целью приведения его в соответствие с современными вызовами и обеспечения эффективной имплементации в российское уголовное судопроизводство доказательств, полученных в рамках международной правовой помощи.

Выводы.

Основываясь на результатах проведенного исследования, можно сформулировать следующие основные выводы и предложения. Институт запроса о правовой помощи является неотъемлемым и весьма значимым инструментом в противодействии транснациональной преступности. Однако его практическая эффективность значительно снижается из-за несовершенства правового механизма легализации доказательств, полученных из-за рубежа. Действующая редакция статьи 455 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, устанавливающая лишь общую презумпцию допустимости таких доказательств, не решает ключевых проблем, связанных с оценкой их юридической силы, и тем самым создает правовую неопределенность. К наиболее актуальным проблемам относятся: отсутствие законодательно установленных критериев приемлемости иностранных доказательств, что затрудняет их единообразную оценку, неопределенность в отношении приоритета закона при оценке законности процедуры получения доказательств (законодательство запрашивающей или запрашиваемой страны), риски, связанные с применением принципа взаимности, который не всегда гарантирует соблюдение необходимых процессуальных гарантий, а также отсутствие специализированной процедуры для легализации полученных материалов по российскому уголовному делу.

Для преодоления этих проблем и повышения эффективности международного сотрудничества в области уголовного правосудия представляется целесообразным реализовать комплекс мер, направленных на совершенствование законодательства и правоприменительной практики. В частности, рекомендуется дополнить статью 455 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации или соответствующие разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации четкими критериями, на основании которых следует оценивать допустимость доказательств, полученных из-за рубежа. К таким критериям относятся: соблюдение норм международного договора или принципа взаимности, соответствие процедуры получения доказательств законодательству запрашиваемого государства, а также отсутствие нарушений основных прав и свобод человека, гарантированных Конституцией Российской Федерации и международно-правовыми актами. Также необходимо на законодательном уровне решить проблему коллизии процессуальных норм, установив, что доказательства могут быть признаны неприемлемыми, если при их получении были допущены нарушения, которые, согласно Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации, являются безусловным основанием для такого признания. Кроме того, актуальной становится задача разработки и закрепления в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации более детальной процедуры «процессуальной адаптации» иностранных доказательств, которая включала бы в себя не только их перевод и проверку, но и обязательную проверку на актуальность, достоверность и допустимость в рамках отдельного процессуального действия. Реализация этих предложений будет способствовать превращению института юридической помощи из формализованного механизма, эффективность которого зависит от многих неопределенных факторов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Направлено более 5000 запросов: итоги международно-правового сотрудничества Генпрокуратуры РФ за 2024 год // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=100048247 (дата обращения: 16.04.2026)
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 20.03.2026) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921
3. Устинов А.В. Юридическая сила доказательств, полученных на территории иностранного государства при международном сотрудничестве по уголовным делам // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 2. С. 231-233
4. Шевелев И.А. Правовой режим доказательств, полученных за рубежом // Российский журнал правовых исследований. 2024. Т. 11. № 2. С. 91-96
5. Особенности установления допустимости доказательств, полученных на территории иностранного государства // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 4 (58). С. 131-136
6. Бунова И.И. О доказательствах, полученных на территории иностранного государства в ходе оказания правовой помощи по уголовным делам // Вестник Академии управления МВД России. 2018. № 3 (47). С. 112-117
7. Проблема применения принципа взаимности в уголовно-процессуальном праве Российской Федерации // Электронный ресурс. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-primeneniya-printsipa-vzaimnosti-v-ugolovno-protsessualnom-prave-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 15.04.2026)
8. Эксперт рассказал, как превратить справку Интерпола в доказательство // Журнал «Уголовный процесс». 2026. № 3. URL: https://www.ugpr.ru/news/9708-ekspert-rasskazal-kak-prevratit-spravku-interpola-v-dokazatelstvo (дата обращения: 16.04.2026)
9. Ахмадуллин А.Р. Сущность доказывания в современном уголовном процессе России: вопросы допустимости доказательств, полученных на территории иностранных государств в рамках международного сотрудничества // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 4. С. 437-440
10. Федеральный закон от 27.10.2025 № 392-ФЗ «О внесении изменений в статьи 458 и 459 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2025. 29 октября

Ihtiyarov U.
student
Higher School of Jurisprudence and Forensic Technical Expertise
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
(St. Petersburg, Russia)

REQUEST FOR LEGAL ASSISTANCE: PROBLEM OF ADMISSIBILITY OF EVIDENCE OBTAINED IN FOREIGN STATE TERRITORY

Abstract: *the article is aimed at comprehensive consideration of issues related to admissibility of evidence received from competent authorities of foreign states in context of international legal assistance in criminal cases. Relevance of this topic is driven by rapid transnationalization of crime, which makes legal assistance requests an indispensable tool for collecting evidence beyond Russian jurisdiction. At same time, subsequent evaluation of such evidence within national criminal proceedings is associated with significant legal conflicts.*

Methodological basis of research includes dialectical method of scientific cognition, general scientific methods of analysis synthesis, as well as specialized legal approaches. Among latter, formal legal method was used to interpret provisions of Articles 453, 455, 457 of Criminal Procedure Code, while comparative legal method made it possible to compare different doctrinal practical approaches to determining legal force of evidence obtained from foreign jurisdictions.

Empirical basis of research includes law enforcement practice materials statistical data demonstrating dynamics of legal assistance requests. Study identified key issues hindering effective use of foreign evidence in Russian criminal proceedings. These include ambiguity of legal nature of admissibility presumption enshrined in Article 455 of Criminal Procedure Code, difficulties in applying reciprocity principle, conflicts between requirements of national legislation in different states.

Based on findings, it can be concluded that current legal mechanism for legalization of foreign evidence developed in Criminal Procedure Code without due consideration of modern realities differentiation of procedural forms is largely declarative in nature requires substantial adjustment. Practical significance of research lies in development of specific proposals for improving criminal procedure legislation optimizing activities of law enforcement authorities in international cooperation. These proposals are aimed at ensuring genuine acceptability reliability of evidence obtained from foreign jurisdictions.

Keywords: *criminal proceedings, international legal assistance, foreign evidence, evidence admissibility, admissibility presumption, reciprocity principle, assistance request, international treaty, legal conflict, Criminal Procedure Code.*